

ГЛЕБ СТРУВЕ — ИСТОРИК ЛИТЕРАТУРЫ

4 июня 1985 года в Калифорнии скончался выдающийся русский ученый Глеб Петрович Струве, чья деятельность в течение многих лет советской наукой либо игнорировалась, либо подвергалась острой критике,¹ что было вызвано в первую очередь его принадлежностью к так называемой «первой волне» русской эмиграции XX века, сохранявшей длительное время неприязненное отношение к послереволюционным преобразованиям в СССР. Вместе с тем во всем мире литературоведческие труды Г. П. Струве давно получили широчайшее признание, без учета его работ в настоящее время невозможны полноценные занятия историей русской литературы и ее международных взаимосвязей. Изменение отношения в нашей стране к творчеству эмигрировавших писателей, признание единства русского литературного процесса на всем земном шаре, еще недавно дискуссионное,² требуют от нас пристального внимания к научному наследию русской эмиграции, в особенности «первой волны», чьи издания (обычно малотиражные) с наименьшей частотностью проникали на территорию Советского Союза; весьма неполон, случаен их подбор в отделах специального хранения отечественных библиотек, что ставит также дополнительные задачи при современном пополнении их фондов.

Хотя уже сделаны попытки комплексного анализа вклада русской эмиграции в мировую науку,³ не будет преувеличением сказать, что в Советском Союзе этот аспект ее деятельности не получил еще разработки, что побуждает нас уделить ему некоторое внимание. Русская диаспора по своей численности и интенсивности формирования не может быть даже сопоставлена с историей рассеяния армян, евреев или французских гугенотов. Эта своеобразная этнокультурная общность, насчитывавшая от 9 до 10 миллионов человек, сложилась стремительно, всего за семь лет (1918—1925 годы). Она включала русское население Бессарабии (742 000), Финляндии (15 000), Эстонии (91 000), Литвы (55 000), Польши (5 250 000), Угорской и Прешовской Руси (550 000), Китая и полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги (200 000) и Западной Европы (50 000, живших здесь до 1917 года); сюда нужно прибавить число беженцев, зафиксированных Лигой Наций (к сентябрю 1926 года — 1 160 000), а также значительное число военнопленных первой мировой войны.⁴ Сразу же нужно отметить их высокий образовательный уровень — 3/4 со средним, весьма значительное количество лиц с высшим образованием; в социальном отношении наименьшим было число рабочих и духовенства.

Интеллектуальный потенциал эмиграции был значительно повышен массовой высылкой творческой интеллигенции из Советского Союза в 1921—1922 годах (Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Ф. А. Степун, Л. П. Карсавин и др.), что способствовало более интенсивному включению выходцев из России в жизнь Западной Европы, формированию оригинальной культурной общности (существовавшей тем не менее весьма сепаратно), расцвету литературы, журналистики, науки. Постепенно Берлин, чему способствовала дешевизна жизни там, становится столицей зарубежья, здесь концентрируется свыше 30 издательств («Петрополис», «Скифы», «Издательство З. И. Гржебина», «Мысль», «Знание», «Грани», «Кооперативное издательство», «Литература», «Геликон», «Манфред», «Возрождение», «Огоньки», «Нева» и т. д.),⁵ масса редакций журналов и газет.⁶ Создаются и научные организации: парижская, югославская, германская, болгарская, английская, итальянская, эстонская, чехословацкая, харбинская и через некоторое время северо-американские академические группы. С 1921 года регулярно проводятся их съезды, выходят научные труды.⁷

Активная научная деятельность способствовала тому, что ученые «первой русской волны» внесли значительный вклад фактически во все области знания. Поэтому перечислим тех немногих, кто добился мирового признания: А. П. Ольденбург, С. Н. Виноградский, В. И. Анри (медицина и биология), В. В. Стратонов, Н. М. Стойко-Радищевский, О. Л. Струве, И. И. Ковалевский (астрономия), В. Г. Демченко, С. Н. Владимирский, И. И. Сикорский (авиаконструирование и аэродинамика), П. А. Сорокин, Н. С. Тимашев, П. Б. Струве, Е. В. Спекторский, М. А. Таубе, В. И. Синайский, И. А. Курганов, В. В. Леонтьев (юриспруденция, социология), Б. Г. Унбегаун, Н. С. Трубецкой, Ю. С. Коловрат-Червинский, Ю. В. Шевелев, Р. О. Якобсон, А. Л. Бем, А. В. Соловьев, Д. И. Чижевский, Г. Б. Бобринский (лингвистика и литературоведение), М. И. Ростовцев, М. А. Миллер, М. М. Карпович, С. Г. Пушкарев, Е. Ф. Шмурло, С. П. Мельгунов, С. С. Ольденбург, Д. Д. Оболенский (история и археология), Н. И. Андрусов, А. Ф. Мейендорф, Н. Н. Меньшиков (геология), В. К. Агафонов, В. С. Малышева, А. Н. Федоров (почвоведение), К. Н. Давыдов, М. М. Новиков, Л. В. Черноситов, Б. П. Уваров (зоология), В. С. Ильин, Н. С. Шостенко (ботаника), В. Н. Ипатьев, А. Е. Чичибабин, Н. А. Пушкин (химия), А. А. Эйхенвальд, В. Ф. Горшков, С. Д. Болтовский, С. Г. Никитин, В. К. Миронович (физика), С. П. Тимошенко, А. П. Фан дер Флит (математика) и многие другие. Подлинный ренессанс пережили в 1920—1940-е годы русская религиозно-философская мысль и история церкви (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский, Г. П. Федотов, С. Л. Франк, Б. П. Вышеславцев, А. В. Ельчанинов, Л. Шестов и др.).⁸

Именно в атмосфере поисков, споров о дальнейшей судьбе России, с одной стороны (достаточно вспомнить евразийцев, сменовеховцев, младороссов, непредрешенцев и т. д.), напряженной созидательной научной деятельности, с другой, происходило становление будущего ученого, принадлежавшего по своему рождению к одной из семей, внесших наибольший вклад в развитие культуры русской эмиграции (Зерновы, Игнатьевы, Ковалевские, Елисеевы, Лосские, Рязановские и др.). Однако картина будет неполна, если мы обойдем вниманием его дореволюционные впечатления.

Глеб Петрович Струве родился в Петербурге 19 апреля 1898 года, он был старшим сыном социолога и философа Петра Бернгардовича Струве, чья идейная эволюция от легального марксизма все более вправо представляет довольно типичное явление для людей его круга и образа мыслей. Несмотря на неудовольствие отца, предпочитавшего традиционное классическое образование, стараниями матери мальчик был определен в Выборгское восьмиклассное коммерческое училище в Петербурге, которое окончил в 1916 году. Во время пребывания в стенах училища происходит формирование литературных вкусов Г. П. Струве, вспоминая спустя годы: «... мне было лет 14—15, когда я зачитывался Блоком и Белым и не пропускал ни одного номера „Аполлона“». ⁹ Он пишет стихи и статьи, которые появляются в газете, составлявшейся учащимися. ¹⁰ Осенью 1915 года через брата своего соученика С. А. Никольского молодой человек знакомится с кружком поэтов, связанных с венгерским семинарием и Пушкинским обществом при Петроградском университете, в него входили В. А. Злобин, Н. А. Оцуп, В. А. Рождественский, Д. Л. Майзельс, Л. М. Рейснер, Н. А. Авдеев, Г. В. Маслов, Е. М. Тагер и др. В кружке был подлинный культ А. С. Пушкина, что наложило весьма сильный отпечаток на творчество его участников, подчеркнуто классических в своей ориентации. Дружба с юными литераторами была прервана сначала поездкой с отцом в Англию, затем — недолгосрочным участием в военных действиях на фронтах первой мировой войны.

Стихи Г. П. Струве появляются в газетах и журналах уже после его эмиграции (1918), мы встречаем их на страницах «Руля», «Возрождения», «Русской мысли», «России и славянства», «Дней», «Звена», «Современных записок», «Сегодня» и т. д. Позже лучшие из них были объединены в книге «Утлое жилье», выдержавшей два издания (1965 ¹¹ и 1978); общая эволюция лирики поэта и ученого представляет движение от стихов, написанных под несомненным влиянием символистов («Тени», «Город великих соблазнов», «Мы живем в туманном ожидании...» и др.) к произведениям, в которых

преобладают трагические ноты, «тютчевская тональность» («Дерев необранного сада. . .», «Я вдруг почую облегчене. . .», «Знай: мир лишь утлое жилье. . .», «Я на снегу писал любимой имя. . .» и т. д.). Все чаще в его стихах звучит тема смерти — загадочного освобождения человеческой души, ее воссоединения с Божеством:

...А я услышу тот, упрямый,
Невероятный, легкий звук:
Дрожанье звезд вот тут, над самой
Дугой твоих склоненных рук.
И я увижу, у придела,
Два белых ангельских крыла:
Душа опередила тело
И, легкая, осиротела,
И, легкая, изнемогла.

(«Ты легким поцелуем тронешь. . .»,
Париж, 1925)

В целом поэтическое наследие Г. П. Струве демонстрирует ту высокую поэтическую культуру и мастерство, которыми обладали писатели-эмигранты второго и третьего рядов, и несомненно заслуживает внимания современного читателя.

Вместе с тем литературная деятельность Г. П. Струве, его участие в журналистике в 1920—1930-е годы, помощь отцу в издательских предприятиях позволили в дальнейшем ученому использовать в трудах по истории эмигрантской литературы опыт общения с редакциями, сделали его обладателем бесценных документов (письма И. А. Бунина, В. Ф. Ходасевича, Б. П. Анрепа, Г. В. Иванова, М. И. Цветаевой, М. А. Алданова, Д. С. Мережковского и многих других). После окончания Баллион колледж в Оксфорде весной 1922 года Г. П. Струве переехал в Прагу, а затем в Берлин, где до весны 1924 года ведал печатанием «Русской мысли», редактировавшей его отцом. Затем он переселяется в Париж и становится секретарем Комитета содействия образованию русского юношества за границей, а также секретарем Русского национального комитета. Летом 1925 года Г. П. Струве получил место члена редакции хроники газеты «Возрождение», основанной А. О. Гукасовым. В августе 1927 года вместе с отцом он принял участие в создании газеты «Россия», с 1928 года ставшей выходить под названием «Россия и славянство». В 1932 году Г. П. Струве занял место лектора в Лондонском университете после возвратившегося в СССР Д. П. Святополк-Мирского.

В 1946 году русский ученый получил приглашение прочесть лекции в американских университетах, а в следующем, 1947 году, он стал профессором русской литературы в Калифорнийском университете в Беркли, где работал до 1967 года. В 1960 году он стал редактором созданного по его инициативе славистического сборника «California Slavic Studies», одного из наиболее авторитетных и содержательных; на протяжении десятилетия он принимал также активное участие в деятельности издательства «Международное литературное содружество». В 1971 году русский ученый был удостоен почетной степени доктора прав Торнтонского университета, в 1973-м — награжден премией за исключительные научные заслуги американской Ассоциацией поощрения славистических исследований, в 1978-м — почетной грамотой Калифорнийского университета, высшим знаком отличия этого учебного заведения, в 1977-м — избран почетным председателем Русской академической группы в США. Библиография Г. П. Струве, насчитывающая более девяти сот названий, опубликованная в 1980-м году, свидетельствует о колоссальном трудолюбии ученого и широте научных интересов.¹² Несомненна также его заслуга как воспитателя плеяды американских славистов (Герман Ермолаев, Ольга Раевская-Хьюз, Роберт Хьюз, Симон Карлинский, Владимир Марков, Алекс Штейн, Эрвин Тутыник и др.); он стал для них воплощением лучшего в русской культуре, а смерть ученого многих из них заставила ощутить невосполнимость этой утраты.¹³

В течение всей его жизни классическая русская литература XVIII—XIX веков была объектом напряженного внимания Г. П. Струве, хотя его статьи, посвященные этой тематике, сравнительно немногочисленны. Особой его симпатией пользовался русский дипло-

мат С. Р. Воронцов, чью биографию ученый даже хотел одно время написать.¹⁴ В 1920-е годы он рецензировал все наиболее заслуживавшие внимания публикации, посвященные классической литературе (как в СССР, так и за его пределами). С именем Г. П. Струве связаны также поиски и выявление биографических документов русских писателей за границей — так, им впервые были описаны пушкинские материалы из архива С. А. Соболевского в Британском музее (неизвестные списки «Гавриилиады», стихотворения «Ура! В Россию скачет кочующий деспот...» и некоторых других),¹⁵ сделан ряд наблюдений над переводами произведений А. С. Пушкина.

В 1950-м году в Сан-Франциско была опубликована монография Г. П. Струве «Русский европеец», посвященная интереснейшей фигуре начала XIX века, литератору и дипломату князю П. Б. Козловскому, сотруднику А. С. Пушкина по «Современнику», корреспонденту Ж. де Сталь, Ж. де Местра, приятелю А. И. Тургенева и П. А. Вяземского. Ученому принадлежит также сформулированная позднее гипотеза о том, что П. Б. Козловский был адресатом пушкинского послания «Ты просвещением свой разум просветил...»; это предположение в свое время вызвало горячее одобрение Ю. Г. Оксмана, поддерживавшего переписку с заокеанским коллегой.¹⁶ В зарубежной печати Г. П. Струве часто выступал с обзорными статьями, посвященными русским писателям — В. К. Кюхельбекеру, В. А. Жуковскому и др.; его резкой критике подверглось «Полное собрание сочинений А. П. Чехова», выходящее в Москве с 1944 по 1951 год под редакцией С. Д. Балухатого, Н. С. Тихонова, В. П. Потемкина. В нем, вопреки всем принципам академических изданий, были выпущены фразы из путевых заметок писателя об успехах английской администрации в колониях, исключено, откуда возможно, имя В. Э. Мейерхольда.¹⁷

Почти личное отношение было у Г. П. Струве к его старшим современникам — писателям русского Серебряного века,¹⁸ популяризации их творчества, спасению автографов от гибели и распыления были посвящены его усилия на протяжении четырех послевоенных десятилетий. В 1950-х годах начинается издательская деятельность Г. П. Струве. Это публикации отдельных циклов, произведений, эпистолярных подборок:

Гумилев Н. Отравленная туника и другие неизданные произведения / Ред., вст. статья и примеч. Г. Струве. Нью-Йорк, 1952.

Мандельштам О. Собрание сочинений / Ред., вст. статья и примеч. Г. Струве и Б. Филиппова. Нью-Йорк, 1955.

Цветаева М. Лебединый стан. Стихи 1917—1921 / Ред. Г. Струве. Мюнхен, 1957.

Ахматова А. Реквием / Ред., вст. статья Г. Струве. Мюнхен, 1963.

Ахматова А. Реквием / Ред., вст. статья Г. Струве. 2-е изд. Нью-Йорк, 1969.

Цветаева М. Лебединый стан. Перекоп / Ред., вст. статья Г. Струве. Париж, 1971.

Цветаева М. Неизданные письма / Ред. Г. и Н. Струве. Париж, 1972.

В дальнейшем на этой основе Г. П. Струве (главным образом совместно с Б. Филипповым) подготовил многотомные собрания сочинений русских классиков XX столетия. Дополнительную сложность составляло то, что фактически весь труд был проделан по переписке, сказывался и отрыв от отечественных архивов, в силу чего колоссальную работу все же нельзя считать окончательной. Тем не менее высокий текстологический уровень этих изданий стал залогом их широкого научного признания (в дальнейшем отдельные тома были дополнены, в настоящее время почти все они репринтированы). По утверждению О. Раевской-Хьюз, издания Г. П. Струве составили эпоху в славяноведении XX века;¹⁹ перечислим их:²⁰

Пастернак Б. Сочинения / Ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Ann Arbor, 1961. Т. 1—3.

Гумилев Н. Собрание сочинений / Ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Вашингтон, 1964—1968. Т. 1—4.

Мандельштам О. Собрание сочинений / Ред. Г. П. Струве и Б. Филиппова. Вашингтон, 1964—1969. Т. 1—3.

Ахматова А. Собрание сочинений / Ред. Г. и Н. Струве и Б. Филиппова. Вашингтон—Париж, 1965—1983. Т. 1—3.

Клюев Н. Собрание сочинений / Ред. Г. Струве и Б. Филиппова. Мюнхен, 1969. Т. 1—2.

Волошин М. Стихотворения и поэмы / Ред. Г. Струве, Н. Струве и Б. Филиппова. Париж, 1982—1984. Т. 1—2.

Особенно нужно отметить заслуги Г. П. Струве перед памятью Н. С. Гумилева, Н. А. Клюева и О. Э. Мандельштама, чьи трагические судьбы общеизвестны. По крохам собирая просачивавшуюся из Советского Союза информацию, фиксируя ее в статьях и газетных заметках, ученый способствовал поддержанию памяти о них и в конечном счете возвращению их творчества к советскому массовому читателю.

Органически связанной с темой Серебряного века в научном наследии Г. П. Струве была тема литературы русской эмиграции, продолжающая до сих пор волновать ученых.²¹ Особенную ценность его итоговой работе в данной области, книге «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора зарубежной литературы» (1-е изд. — Нью-Йорк, 1956; 2-е — Париж, 1984), придает многолетняя журналистская деятельность ее автора. В 1920—1930-х годах на страницах «Русской мысли», «Возрождения», «России», «России и славянства» регулярно появлялись рецензии Г. П. Струве на книги В. Ходасевича, В. Сирина (Набокова), М. Цветаевой, К. Бальмонта, И. Одоевцевой, Г. Иванова, В. Диксона, Д. Шаховского, Ю. Терапиано, Б. Божнева, Р. Блоха, Г. Раевского, Б. Лазаревского, Ю. Мандельштама, В. Третьяковского, А. Ладинского и многих других. Можно даже утверждать, что книга «Русская литература в изгнании» в определенной степени «выросла» из многолетней обозревательской деятельности Г. П. Струве. Его рецензии обычно немногословны, и хотя сам он с большим интересом относился к поискам формальной школы в Советском Союзе, при анализе вновь появлявшихся поэтических произведений главное внимание уделял традиции, которой следовал автор, рассмотрению тематики, особенностям версификации. Лишь в своей монографии 1956 года на основе огромного фактического материала Г. П. Струве со свойственной ему осторожностью делает концептуальные обобщения.

«Русская литература в изгнании» посвящена главным образом довоенному периоду, в двух центральных главах рассматривается становление литературы русского зарубежья (1920—1924) и ее самоопределение (1925—1939). В заключении характеризуется послевоенная ситуация, освещается встреча двух эмиграций, возникновение новых литературных центров. Однако общий вывод ученого содержит печальные нотки; завершая в начале 1950-х годов книгу, он писал: «Зарубежная литература как особая глава в истории русской литературы идет к своему неизбежному концу. Лучшие страницы ею несомненно в эту историю уже вписаны».²² Оторванность от Родины, отсутствие регулярных связей с родственниками и близкими, оставшимися в Советской России, постепенная утрата языка молодым поколением, трагические коллизии второй мировой войны, вызвавшие массовую миграцию русскоязычного населения за океан, гибель многих писателей — все это привело к падению числа журналов и газет, снижению и без того невысокой, коммерческой отдачи. Существующие по сей день издательства и периодические органы могут продолжать свою деятельность по большей части благодаря субсидиям политических и религиозных фондов западных государств, поддержке меценатов.

Значение книги Г. П. Струве для современного читателя весьма велико также потому, что помимо обзоров журналистики и творчества отдельных писателей она содержит массу дополнительной информации — о формировании русской диаспоры, об основных направлениях политической мысли зарубежья, о литературной критике, литературоведении, публицистике, философской прозе, мемуаристике. В первой части монографии подробно рассмотрено продолжение творческого пути в эмиграции писателей, получивших широкую известность еще до революции, причем в центре внимания ученого находятся произведения писателей-реалистов: И. А. Бунина, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева, А. Н. Толстого, А. И. Куприна и др. Весьма незначительно еще совершенное писателями молодого поколения, однако и среди них появляются новые имена: поэты М. Талов,

Г. Евангулов, В. Набоков, Н. Оцуп, Н. Берберова, А. Несмелов, прозаики А. Дроздов, Г. Алексеев, Р. Гуль, И. Лукаш и другие.

Во второй части проблема двух поколений эмиграции, их споров занимает уже центральное место; молодежь подчас критически относилась к своим отцам, что выразилось в возникновении новых политических объединений, учащении случаев возвращения в Россию. Со второй половины 1920-х годов на страницах эмигрантских изданий («Последние новости», «Воля России», «Современные записки» и др.) вспыхивают споры о значении зарубежной литературы, ее задачах, часть журналов пытается ограничить свою деятельность чисто литературными целями («Встречи», «Числа»). Помимо прозаиков старшего поколения все больший резонанс имеют произведения В. Набокова, Н. Берберовой, Г. Газданова, В. Яновского, Ю. Фельзена, С. Шаршуна, Г. Пескова, Л. Зурова и др. Предвоенное время можно, по убеждению Г. П. Струве, назвать периодом расцвета эмигрантской поэзии — кроме К. Бальмонта, З. Гиппиус, М. Цветаевой, Вяч. Иванова, с первоклассными произведениями выступили литераторы, биографически связанные с гумилевским «Цехом поэтов» (Г. Адамович, Г. Иванов, Н. Оцуп, И. Одоевцева). Возникла также оригинальная парижская поэтическая школа, которой принадлежат вершинные достижения литературы молодого поколения (Ю. Терапиано, В. Смоленский, Г. Раевский, Д. Кнут, Ю. Мандельштам, А. Присманова, Б. Поплавский и некоторые другие).

Благодаря личному общению, сотрудничеству в одних журналах с Г. Адамовичем, Г. Ивановым, В. Ходасевичем представителям парижской школы удалось унаследовать высокую поэтическую культуру Серебряного века, чего порой не хватало их сверстникам, рассеянным по всему миру.

Важным моментом для выяснения общих мировоззренческих установок Г. П. Струве является его отношение к В. В. Набокову, набоковская тема проходит через всю книгу о русской литературе в эмиграции. Заметим, что наиболее часто печатавшимися в «России и славянстве» в конце 1920-х—начале 1930-х годов поэтами были К. Д. Бальмонт и В. В. Набоков, несомненно их личное знакомство с Г. П. Струве, входившим в редакцию газеты. Свои размышления на этом этапе знакомства с В. В. Набоковым Г. П. Струве суммировал в статье «Творчество Сирина», где утверждалось, что «Сирин — самый большой подарок зарубежья русской литературе»,²³ опровергались резко отрицательные суждения Б. К. Зайцева о его романах. Однако с одним замечанием оппонентов рецензент все-таки вынужден был согласиться — в творчестве В. В. Набокова нет столь характерной для русской литературы любви к своим героям, любви к человеку. Тем не менее этот упрек, весьма существенный для Г. П. Струве, снимается, по его мнению, опубликованной незадолго до того «Защитой Лужина». В судьбе главного героя этого романа есть что-то «подлинно и патетически человеческое». Но ожидания Г. П. Струве так и не оправдались — в «Русской литературе в изгнании», отдавая должное мастерству, виртуозному владению словом, ученый все-таки пишет о «каком-то коренном неблагополучии» творчества В. В. Набокова: со временем, по-видимому, стали более явны общие расхождения писателя и его критика в понимании мира и человека. Дело в том, что Г. П. Струве был затронут столь важным явлением духовной жизни, как русский религиозный ренессанс XX века, недаром Ольга Раевская-Хьюз назвала его одним из последних представителей этого движения.²⁴ Поэтому гуманизм в изображении человека, любовь к нему (основная черта русской литературы согласно Н. А. Бердяеву) были необходимыми для Г. П. Струве качеством всякого незаурядного произведения литературы; в конце концов он присоединился к мнению тех, кто считал, что у героев В. В. Набокова «просто нет души», что не препятствовало высокой оценке мастерства, виртуозной техники писателя, существо которой было лапидарно раскрыто ученым: «В основе этого поразительно блестящего, чуть что не ослепительного таланта лежит комбинация виртуозного владения словом с болезненно-острым зрительным восприятием и необыкновенно цепкой памятью, в результате чего получается какое-то таинственное, почти жуткое слияние процесса восприятия с процессом запечатления».²⁵

Завершая анализ книги «Русская литература в изгнании», хотелось бы возразить первому ее рецензенту М. М. Карповичу,²⁶ считавшему главным ее недостатком расширенное понимание автором термина «литература». Наоборот, вкус Г. П. Струве сказался в первую очередь в том, что он уделил внимание только наиболее значительным в художественном отношении произведениям; вне поля его зрения (к большому сожалению для нас, современных ее читателей в СССР) оказались столь интересные явления, как развлекательно-бульварная, авантюрная и фантастическая беллетристика, произведения писателей меньших по калибру дарований. Однако уже сейчас вряд ли можно оспаривать классический характер этого исследования, положившего почти тридцать лет назад начало комплексному изучению литературы русского зарубежья.

Общая концепция «Русской литературы в изгнании» тесно связана с работами Г. П. Струве по истории советской литературы — ее общие курсы на английском языке с соответствующими авторскими добавлениями выдержали четыре издания (1936, 1944, 1951, 1971). Несмотря на то что в заслугу ученому нельзя не поставить защиту таких писателей, как А. Ахматова, М. Булгаков, А. Платонов, Е. Замятин, Б. Пильняк и т. д., следует сказать, что при оценке произведений советской литературы порой весьма ощутимы его политические симпатии, порой сказывается оторванность от литературного процесса в Советском Союзе; многие явления уже переосмыслены (так свойственная Г. П. Струве идеализация Ю. Олеши и его круга, думаю, уже невозможна после книг А. Белинкова). Публикации последних лет в отечественной печати по своей информативности, документальной насыщенности значительно перекрывают труды зарубежных ученых; в области советской литературы все более заметным становится отсутствие ее комплексной истории — надеемся, что этот труд появится через определенное время по эту сторону границы.

Нельзя не выделить из колоссального числа рецензий Г. П. Струве его статьи, содержащие полемику с теми, кто желал видеть причину размаха сталинского террора в свойствах русского характера, исконной склонности русских к деспотизму и сильной власти.²⁷ (Этот взгляд весьма распространен и до сего дня — достаточно вспомнить книгу Р. Пайпса «Россия при старом режиме»). Наоборот, сочувствие, просвещенный интерес к прошлому нашей страны вызывали неизменную поддержку ученого.

Наше представление о Г. П. Струве было бы неполным без знаний о его переводческой деятельности: это стихи Р. М. Рильке, «Экономические последствия мира» Д. М. Кейнса (1921), «Принципы демократии» Т. Вильсона (1924), «Скотский хутор» Д. Оруэлла (совместно с Мари Кригер; 3 изд. — 1950, 1967, 1971). К печати им были подготовлены столь интересные книги, как «Социальная и экономическая история России с древнейших времен» П. Б. Струве (совместно с А. П. и Арк. П. Струве; Париж, 1952), мемуары Н. Валентинова «Два года с символистами» (Стенфорд, 1969). Г. П. Струве — инициатор появления в Соединенных Штатах первого по времени сборника И. Бродского «Стихотворения и поэмы» (Вашингтон—Нью-Йорк, 1969), автор предисловия к нему.

В течение всех лет Г. П. Струве было свойственно в высшей степени заинтересованное отношение ко всему происходившему на родине, он с волнением следил за посмертной судьбой дорогих ему поэтов, восприятием их наследия широкой читательской аудиторией. Литература немыслима без горячей, наперекор всем запретам привязанности к творчеству любимых писателей, поэтому неожиданное на первый взгляд введение следующего рассказа в академически строгое предисловие к первому тому «Собрания сочинений» Н. Гумилева глубоко оправданно: «В 1956 году один мой знакомый, оказавшийся в Москве, бродя среди лотков букинистов, спрашивал, нет ли у них на продажу стихов Гумилева. Один букинист предложил ему единственный сборник, который у него был — „Фарфоровый павильон“. На вопрос моего знакомого о цене ответ был: „70 рублей“ (то есть около семи долларов). Мой знакомый заметил, что это дороговато именно за этот сборник. В это время над ухом его, „из публики“, раздался басовитый голос: „За Гумилева ничто не дорого!“».²⁸

С неослабевающим интересом Г. П. Струве следил за творчеством писателей, выдвинувшихся на первый план в конце 1950-х—начале 1960-х годов, наиболее высоко он оценивал произведения В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына, поведавших миру страшную правду о советском ГУЛАГе.

В науке о русской литературе совершенное Г. П. Струве давно по достоинству оценено учеными всех стран, однако интерес к его наследию не падает — репринтируются подготовленные им собрания сочинений классиков, переиздаются статьи и книги.²⁹ Многолетнее служение Г. П. Струве, отторгнутого, казалось бы, от родной почвы, традиционным ценностям России и ее литературе по праву можно назвать подвижническим. Жизненный путь ученого, его самоотверженный труд во многом типичны для представителей «первой русской волны», мучительно размышлявших о своем месте в мире: «Какой же смысл в существовании русской эмиграции? Смысл ее в служении. И раз „все проходит“, то ее смысл в служении как раз тому, что „не проходит“».³⁰

Публикуемые ниже главы из второго издания книги Г. П. Струве «Русская литература в изгнании», посвященные периодическим изданиям русской эмиграции, содержат, на наш взгляд, информацию, не утратившую своего научного значения. Название «Журналистика русского зарубежья» условно и дано нами; главы «Новая русская книга», «Грядущая Россия», «Современные записки», «Русская мысль», «Версты», «Другие журналы» взяты из первого раздела «Становление русской зарубежной литературы (1920—1924 гг.)», а «Числа» и «Встречи», «Русские записки» — из второго: «Зарубежная литература самоопределяется (1925—1939 гг.)».

¹ См., например, дважды опубликованную статью нынешнего редактора журнала «Век XX и мир» А. А. Беляева «Глеб Струве — апостол антикоммунизма», полную резких и несправедливых выпадов (Москва. 1971. № 5. С. 193—204; Русская литература и ее зарубежные критики: Сб. статей. М., 1974. С. 343—388), и его книгу «Идеологическая борьба и литература» (М., 1977; 2-е изд., М., 1988).

² См. об этом: Одна или две литературы? Сб. статей. Лозанна, 1981.

³ Адамович Г. В. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961; Ковалевский П. Е. 1) Русское рассеяние. Б.м.Б.г.; 2) La dispersion russe. Chauny, 1954; 3) Наши достижения. Мюнхен, 1960; 4) Зарубежная Россия. Париж, 1971. Ч. 1; 1973. Ч. 2.

⁴ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия. Париж, 1971. Ч. 1. С. 11—13.

⁵ Гуль Р. Б. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. 1. С. 117—133 (глава «Книжное дело»).

⁶ Schatoff M. Half a Century of Russian Serials: 1917—1968. Cumulative Index of Serials Published outside the USSR. N.-Y., 1970—1972. V. 1—3; Ossorguine-Bakounine T. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855—1940. Paris, 1976.

⁷ Спекторский Е., Давац В. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920—1930). Белград, 1931. Вып. 1; 1941. Вып. 2; Записки русского научного института в Белграде. 1930—1940. Вып. 1—17; Записки: русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1967—Т. 1—...

⁸ См. подробную библиографию: Zander L. List of the Writings of Professors of the Russian Theological Institute in Paris. Paris, 1932, 1937, 1947, 1954, 1965; Зернов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974. С. 333—368.

⁹ Струве Г. П. К истории поэзии 1910-х—начала 1920-х годов. Беркли, 1979. С. 15.

¹⁰ Дебют Г. П. Струве в рукописном журнале, посвященный авангардистской выставке, был перепечатан к его 80-летию крупнейшими газетами зарубежья (Новое русское слово. 1978. 2 мая; Русская мысль. 1978. 4 мая).

¹¹ См. неоправданно резкую рецензию автора, скрывшегося за прозрачными инициалами «Р. Г.» (не Роман ли Гуль?): Новый журнал. 1966. Т. 83. С. 303—304.

¹² Hughes R. P. Gleb Struve: A Bibliography // California Slavic Studies. 1980. V. XI. P. 269—317.

¹³ См., например, некролог Г. П. Струве, написанный Н. Рязановским: Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1985. Т. XVIII. С. 350.

¹⁴ Струве Г. П. Эпизод из жизни П. А. Яковлева, «сенатора, дяди А. И. Герцена» // Возрождение. 1971. № 229. С. 52—68; Struve G. An Anglo-Russian Medley: Woronzows, Pembrokes, Nicols and others: unpublished letters and historical notes // California Slavic Studies. Berkeley, 1970. V. 5. P. 93—135.

¹⁵ Струве Г. П. Новые пушкинские материалы из Британского музея // Белградский пушкинский сборник. Белград, 1937. С. 343—357.

¹⁶ Струве Г. П. Кто был пушкинский «полонофил»? // Новый журнал. 1971. Кн. 103. С. 92—106.

- ¹⁷ Струве Г. П. 1) Чехов в советской цензуре // Новый журнал. 1954. Т. 37. С. 210—212; 2) Чехов, Мейерхольд и фальсификаторы // Грани. 1954. № 2. С. 121—125.
- ¹⁸ Ученый начал свою журнальную деятельность с некролога А. А. Блока (Русская мысль. 1921. Кн. VIII—IX. С. 273—281), рецензирования сборников А. А. Ахматовой (Там же. 1921. Кн. XI—XII. С. 349—353).
- ¹⁹ Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т. XVIII. С. 347.
- ²⁰ См. рецензии на них в «Новом журнале», принадлежащие перу В. Завалишина, Р. Гуля, Ю. Иваска, И. Одоевцевой (№ 32, 38, 43, 48, 67, 77, 82, 84, 87, 88; 1952—1967).
- ²¹ См.: Русская литература в эмиграции: Сборник статей / Под ред. Н. Полторацкого. Питтсбург, 1972; Моозер И. Р. Русская литература в изгнании // Отклики: Сборник статей памяти Н. И. Ульянова. Нью-Хевен, 1986. С. 155—169.
- ²² Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 394.
- ²³ Россия и славянство. 1930. 17 мая. С. 3.
- ²⁴ Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т. VIII. С. 348.
- ²⁵ Струве Г. П. Русская литература в изгнании. С. 289.
- ²⁶ Новый журнал. 1957. Т. 46. С. 251—254.
- ²⁷ Струве Г. П. 1) Две книги о судьбах России // Новый журнал. 1952. Т. 28. С. 290—298. 2) О Кюстине и «кюстинствующих иностранцах» // Возрождение. 1952. Т. 20. С. 161—168.
- ²⁸ Гумилев Н. Собр. соч. Вашингтон. 1962. Т. 1. С. XLIII. См. также интереснейшие письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве (1962—1963 гг.), находящиеся ныне в составе ценнейшего собрания Г. П. Струве, поступившего осенью 1985 года в архив Гуверовского Института в Стенфорде: Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве / Публикация Л. Флейшмана // Stanford Slavic Studies. V. 1. Stanford, 1987. P. 15—69.
- ²⁹ Струве Г. 1) О четырех поэтах. Лондон, 1981. 2) Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж, 1984.
- ³⁰ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974. С. 188.